

С.Е. ДВОРЯНЧИКОВА
(*Донецк*)

**СЕМАНТИКА “ИЛЛЮЗОРНОСТИ” КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ТОПОПОЭТОНИМОВ
В РОМАНАХ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА
“ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ” И “ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК”**

УДК 8 (47) 82: 413. 11 / .13

Дворянчикова С.Е. Семантика “иллюзорности” как составляющая образной сферы топопоэтонимов в романах И. Ильфа и Е. Петрова “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок”; 5 с.; количество библиографических источников – 3; язык русский.

Аннотация. Рассмотрены функциональные и стилистические возможности топопоэтонимов и оттопонимных образований романов с семантикой “иллюзорности”. Выявлены приращения коннотаций некоторых ключевых топонимов в различных контекстах.

Ключевые слова: иллюзорность, комическое, коннотация, контекст, поэтонимосфера, топопоэтоним.

Resume. Functional and stylistic possibilities of “insubstantial” topopoetonyms and formations with topopoetonyms of the novels are considered. The increases of connotations some toponyms in different contexts are exposed.

Key words: comic, connotation, context, illusiveness, poetonymsphere, topopoetonym.

В романах И. Ильфа и Е. Петрова топонимы выходят за рамки прямого и жанрового назначения – называть место развертывания событий и способствовать созданию комических контекстов, актуализируясь экспрессивно и стилистически. Топопоэтонимы в значительной степени содействуют созданию художественного образа, характеризуют героев, сообщают важную информацию о социальном положении, чертах характера, формируя у читателя отношение к изображаемому. Как смыслообразующий компонент художественного текста они аккумулируют новые коннотации, становясь важным средством эмоционально-образного развертывания художественного произведения.

Нами принята во внимание наметившаяся в психолингвистике практика изучения эмоционального отражения в сознании респондентов имен собственных (в данном случае – названий городов) [3].

Топонимы различно позиционируются по отношению к разным персонажам, а также по отношению к одному и тому же герою в зависимости от времени происходящих событий (прошедших, настоящих или

воображаемых, желаемых, составляющих особую – “иллюзорную” сферу романа).

Топопозитивы концентрируются вокруг центральных персонажей – Ипполита Матвеевича Воробьянинова, Федора Вострикова (“Двенадцать стульев”); Александра Ивановича Корейко, Шуры Балаганова, Паниковского (“Золотой теленок”) и Остапа Бендера. Они приобретают способность к актуализированию и приращению различных коннотативных сем, создавая топонимную комическую “ауру” каждого из названных героев. При этом, поскольку часто прошлое и настоящее, реальное и желаемое противопоставляется, один и тот же топоним оказывается способным приобретать различные значения в настоящем, прошедшем и “воображаемом” времени, вовлекается в контекстуальные семантические оппозиции.

В мечтах персонажей романов топопозитивы закономерно определяют те места, где бы они хотели оказаться. **Ипполиту Матвеевичу**, решившему отправиться в Старгород искать бриллианты тещи, представляется “*московская зима и черный длинный рысак, презрительно хрюкающий на пешеходов, <...> и оранжевые, упоительно дорогие кальсоны, и лакейская преданность, и возможная поездка в Тулузу...*” [1]. Пьяный Киса в Москве видит, как “*эдельвейсы тихо падали на его голову, снова украшенную блестящей алюминиевой сединой. Ипполит Матвеевич катил в Эдем*” [1]. По мере продвижения к цели мечты расплываются: “Ипполит Матвеевич живо воображал себе покупку новых носков и отъезд за границу” [1]. В ряд с коннотацией ‘мечта’, ‘рай’ включаются топонимы *Москва – Тулуза – библейский мифотопоним Эдем*, а также обобщенный апеллатив ‘заграница’, располагающиеся в романе в порядке нагнетания образности.

Отец Востриков делово мечтает о собственном свечном заводе в Самаре. “Побываем всюду, а потом осядем по-хорошему *в Самаре* подле своего заводика и наливочку будем распивать” [1], – пишет он жене. Заводик в *Самаре, Самара* – символ материальности, мещанского представления о счастье. *Самара* возникнет еще раз в романе “Двенадцать стульев” применительно к другому персонажу – Остапу, но уже в качестве пародии, при ответе Бендера на вопрос Коробейникова о роде его занятий: “Свободная профессия. Собственная мясохладобойня на артельных началах *в Самаре*” [1].

Мечты **Остапа Бендера** отличаются разнообразием: “Его проекты были грандиозны. Не то заграждение *Голубого Нила* плотиной, не то открытие игорного особняка *в Риге*” [1]. Используемые топонимы подчеркивают некую поэтичность природы Бендера, контрастирующую с его окружением. В “Двенадцати стульях” они – мечта “комбинатора” о том, где он никогда не

был. Этот ряд получит свое продолжение в романе “Золотой теленок” в виде ойконима *Рио-де-Жанейро*. “Я с детства хочу в *Рио-де-Жанейро*. Вы, конечно, не знаете о существовании этого города”, – говорит Остап Балаганову, который “из мировых очагов культуры <...>, кроме Москвы, знал только Киев, Мелитополь и Жмеринку” [2, с. 335]. Топопозтоним *Рио-де-Жанейро*, помещенный в комический контекст со стилистической фигурой градации (воплощенной в расположении топонимов *Москва – Киев – Мелитополь – Жмеринка* в порядке их нисходящего значения) получает сознание ‘мечта’. Чуть позже оно усиливается, приобретая особую комически-лирическую обособленность, “камерность”. “*Рио-де-Жанейро* – это хрустальная мечта моего детства, <...>, не касайтесь ее своими лапами” [2, с. 339], – выговаривает Остап **Шуре**, заговорившему о “белых штанах”. В своих мечтах фальшивый “сын лейтенанта Шмидта” видит привычные “плодоносные поля *Украины* и курортные высоты *Кавказа*, где он привык прибыльно работать” [2, с. 331]. Оттенок сниженности носит и сцена, в которой Балаганов сообщает Бендеру, рассуждающему о миллионерах Рио-де-Жанейро, что один советский миллионер Корейко “живет в *Черноморске*” [2, с. 338]. Остап принимает реальность, но, собирая компромат на нелегального богача, продолжает видеть “*Рио-де-Жанейро*, волшебный город в глубине бухты, где живут добрые мулаты” [2, с. 508]. Получив заветный миллион, сын турецкоподданного восстает против своей иллюзии: “Ну его к черту! <...> Все это выдумка, нет никакого *Рио-де-Жанейро*, и *Америки* нет, и *Европы* нет, ничего нет. И вообще последний город – это *Шепетовка*, о которую разбиваются волны *Атлантического океана*” [2, с. 609]. *Рио-де-Жанейро*, поставленный в один семантический ряд с *Европой*, *Америкой* и *Атлантическим океаном* – ‘большое, прекрасно-недостижимое’, трагикомически рушащееся о ‘несоизмеримо малое, ничтожное’, – *Шепетовку*, ассоциативно актуализируя доонимный смысл корня (украинский – шепіт, русский – шепот) этого в реальности существующего малого населенного пункта на западе Украины. Но жизнелюбие и притягательная иллюзия берет верх: “Довольно психологических эксцессов.<...> В *Рио-де-Жанейро*!” [2, с. 635]. Аура завершенности образа “великого комбинатора” возводит топоним в ранг некоего символа, “меры вещей” в его узнаваемой, ставшей крылатой, фразе – “Нет, это не *Рио-де-Жанейро*!” [2, с. 545].

“Топонимические” мечты **Паниковского** эволюционируют от неприятия *Поволжья* (как конкретного места), которое ему выпало по “конвенции” детей Шмидта, до *Ессентуков* (не в роли города, а как маркера отрицания власти Бендера), куда старик хочет ехать лечиться, будучи недовольным

распорядительностью Остапа [2, с. 332, 484]. Подбором топопонимов персонаж характеризуется как ‘вздорный, взбалмошный’.

Александр **Корейко** в молодости мечтает разбогатеть – найти на *улице Полтавской победы* бумажник [2, с. 361]. Аллюзии на ойконим *Полтава* и сочетание с оттопонимным компонентом *полтавская битва* способствуют пародийно-сниженному восприятию этого персонажа. Мечта зрелого Корейко оказывается также неразрывно связана с топонимами вплоть до идеи их ‘полного изживания’, ‘снятия’: он хочет затаиться, раствориться в пространстве, как поезд, следовавший из *Полтавы* в *Самару*, комендантом которого был будущий миллионер. Поезд “до *Самары* не дошел, а в *Полтаву* не вернулся” [2, с. 359].

Топопонимы с семантикой “иллюзорности” романов “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок” обнаруживают способность характеризовать персонажей в различных контекстах, конструировать пространство, формировать особую поэтонимосферу произведений. Рассмотренные имена собственные формируют семантические оппозиции, способствуя созданию комического. Топонимы произведений И. Ильфа и Е. Петрова приобретают различные коннотации и оказываются открытыми к аккумуляции значений.

Литература

1. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев // <http://www.geocities.com/Vaja/Dunes/1927/index.html>
2. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. Записные книжки. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 752с.
3. Ярмакова А. Сравнительный анализ: Мухоморск. Урюпинск // <http://www.vaal.ru/show.php?id=174>